

Не подтолкни его Цзян Ту, не заставь лицом к лицу сойтись с Буддой Тысячи Лепестков Лотоса, мальчик, верно, так никогда и не узнал бы: бегство — вовсе не единственный его выбор.

Именно этот человек шаг за шагом направлял его, ведя навстречу перерождению.

Наконец-то осознав всю глубину чужой заботы, Е Хуай затрепетал. Голос его сорвался, а в уголках глаз задрожали крупные слезы:

— Благодетель...

Цзян Ту едва заметно кивнул, обрывая этот порыв чувств:

— Еще не все кончено.

С трудом сглотнув вставший в горле ком, Е Хуай поспешно отвернулся.

Поверженный Будда Тысячи Лепестков Лотоса распластался на земле. Из рваной раны на его плече хлынула неопишуемая склизкая сырость. Подобно спутанным волосам утопленника, этот гниlostный холод пополз во все стороны, силясь забраться под одежды заклинателей.

На глазах лишшающееся соков тело чудовища съежилось, усохло и превратилось в плоский безжизненный лоскут, распластавшийся на каменных плитах.

Но стоило взглянуть, как становилось ясно: это вовсе не сырость, а беспросветная черная дымка. Она клубилась, точно траурный саван, стремительно заполняя подземелье.

У Е Хуая перехватило дыхание:

— Д-дыхание скверны?!

Духовная сила и дыхание скверны издревле соперничали, подчиняясь закону вечного противоборства. Смертный, взрастивший в себе чистую духовную энергию, обретал путь к бессмертию; тот же, кто поддавался скверне, неизбежно перерождался в призрачного зверя.

Призрачные звери — твари куда более жуткие, нежели рядовая нечисть или злые духи. Пропась между ними была столь же глубока, как бездна, разделяющая Нижнее и Среднее царства.

Будда Тысячи Лепестков Лотоса с самого начала не был обычным демоном. Перед ними предстал истинный призрачный зверь.

В ошеломлении мальчик застыл, его взгляд сделался диким, по-звериному испуганным, но среагировать он не успел. Налетевшая неведомая сила с грохотом швырнула его навзничь.

Этот удар превосходил мощью все прежние атаки вместе взятые. Сильно ударившись о каменные плиты, Е Хуай покатился по полу и замер лишь через несколько чжанов. Из его горла вырвался хрип, на землю брызнула темная кровь.

Костяной меч, выскользнув из ослабевших пальцев, со звоном отлетел в сторону.

В голове у мальчишки гудело. С трудом сфокусировав затуманившийся взор, он с ужасом увидел тянущиеся к нему когтистые призрачные лапы.

То были не прежние плети монстра — эти конечности прорастали прямо из недр каменного пола, вздымаясь к потолку. Огромные, точно утесы, они превосходили размером любую человеческую меру. Одна лишь ладонь могла без труда накрыть его целиком.

Превратить его голову в кровавое месиво для этой твари было делом доли секунды.

Собрав остатки воли и не замечая, что половина тела онемела от удара, мальчик отчаянно пополз к оброненному клинку.

Оружие дарило надежду. Но крылась ли эта уверенность в самом клинке или в том, что когда-то он принадлежал Цзян Ту, сам Е Хуай ответить бы не смог.

Стоило пальцам коснуться Костяного меча, как плиты под ним с треском лопнули. Из разлома вымахала исполинская когтистая лапа и намертво стиснула его поперек пояса.

Внутренности словно скрутило раскаленным железом. От невыносимой боли Е Хуай не мог даже вздохнуть, не то что бороться. Призрачные когти медленно поднимали его над полом, сжимая все сильнее.

Против силы древней твари он был жалок и слаб — не более чем муравей под чужой пятой.

Но неужели теперь, когда судьба наконец явила ему надежду на спасение, он примет смерть как безродная тварь?

Смириться с этим он не желал.

Пальцы почти не слушались, но, до боли стиснув зубы, он из последних сил обрушил меч на удерживавшие его тиски.

В этот миг он не заметил, как по белому костяному лезвию пронеслась багровая вспышка. Словно сухую ветку, клинок начисто отсек исполинскую конечность у самого основания.

Хватка ослала. Е Хуай полетел вниз, но вместо жестких плит рухнул в чьи-то ледяные объятия.

С трудом разомкнув веки, он уловил лишь резкие, словно высеченные из камня очертания чужого лица.

Но этот ни с чем не сравнимый аромат, пропитанный горьковатым жаром, безошибочно выдавал Цзян Ту.

— Благодетель... — едва слышно прошептал Е Хуай. — Это призрачный зверь... Осторожнее...

В то же мгновение его подбросило вверх — прямо под ними с ревом пронеслась очередная когтистая лапа. Не дав мальчику упасть, Цзян Ту вновь подхватил его на лету.

Резко развернувшись, мужчина закинул его на плечо, уклонился от свистящего удара и сильным броском отправил Е Хуая прочь из круга битвы.

Изнаненный, дышащий на ладан мальчишка угодил прямиком в раскинувшийся ковер цветов туми. Их упругие лепестки, лишенные привычной нежности, жестко хлестнули по окровавленным щекам.

Однако ложе оказалось на удивление теплым. Словно ласковое полуденное солнце прогрело землю под ним — боль от свежих ран начала медленно отступать.

Едва почувствовав, что может шевелиться, Е Хуай, преодолевая слабость, приподнялся на локтях.

Цзян Ту обернулся, и их взгляды скрестились в полумраке подземелья.

То ли от потери крови у него двоилось в глазах, то ли наяву — но мальчику почудилось, будто на испачканных кровью губах мужчины проступила едва уловимая улыбка.

Она растаяла в тот же миг. Удостоверившись, что мальчишка не собирается испустить дух, Цзян Ту вновь устремил взор на врага.

Будде Тысячи Лепестков Лотоса такое пренебрежение пришлось не по нраву: очередная когтистая длань со свистом рухнула сверху. Цзян Ту плавно скользнул в сторону, опасно прищурившись.

Мальчишка назвал эту тварь призрачным зверем.

Раньше Цзян Ту не сталкивался с подобным, однако перед самым его возвращением в мир живых Император призраков Сун Хэн обронил предостережение:

— Мир живых ныне совсем не тот, что прежде. В нем расплодилось прорва скверны, неподвластной суду преисподней. Держи ухо остро.

Своим изощренным умом Цзян Ту мгновенно связал эти слова с происходящим. Стоило ему оценить мощь обрушившихся на него ударов, превосходящую прежние атаки в сотни раз, как мозаика сложилась воедино.

Цзян Ту не сомневался в исключительном даровании Е Хуая к воинскому искусству.

Но даже самый одаренный юнец, впервые сжимающий рукоять и не сделавший ни шагу по пути самосовершенствования, не способен одним ударом прикончить монстра, поглотившего дюжину невест из деревни Множества Благословений.

Окажись эта тварь настолько немогущей, Ван Чжаоди не пришлось бы идти на уловки, заманивая их в деревню. Своей накопленной ярости ей с лихвой хватило бы, чтобы собственноручно растерзать обидчика.

И все же то жуткое подобие человека Е Хуай сокрушил, обратив его в прах и плоскую бумагу.

Подобная нелепица вела лишь к одному выводу.

Первый противник, с которым довелось схватиться мальчику, не являлся настоящим божеством.

Вернее сказать, то была лишь пустая оболочка, а не сама суть чудовища.

Следовательно, истинный Будда Тысячи Лепестков Лотоса скрывался...

Цзян Ту устремил взор на разбитые обломки статуи, под которыми высился нетронутый каменный лотос-постамент. На его губах заиграла ледяная усмешка:

— Ловко же ты спрятался.

Будда Тысячи Лепестков Лотоса... Сам Будда здесь был лишь фальшивкой. Настоящее средоточие скверны крылось в самом лотосе.

Словно почуяв, что маска сорвана, тварь взъярилась. Клубы дыхания скверны хлынули с утроенной силой, за секунду превратив подземелье в непроглядную ночную бездну, лишаящую возможности ориентироваться.

Камень под ногами размяк, превращаясь в нечто податливое, и заходил ходуном, мерно содрогаясь: тук, тук, тук...

На стенах вздулись багровые прожилки, похожие на кровеносные сосуды, пульсирующие в такт этому жуткому биению.

С влажным, омерзительным треском из стен и пола наружу полезли десятки призрачных лап, покрытых скользкой розовой пленкой. Все они одновременно устремились к Цзян Ту.

Грохот сотряс подземелье.

Каменное крошево посыпалось с потолка. Земля ходила ходуном несколько долгих секунд, после чего все стихло так же внезапно, как и началось.

Во тьме родилась крошечная искра. Подобно упавшей с небес звезде, поначалу она казалась лишь тусклым угольком, но, едва коснувшись праха, пустила корни и расцвела яростным пожаром.

Пламя пожирало мрак, с шипением испаряя дыхание скверны. Стены пещеры вновь содрогнулись, но на сей раз то были не атаки чудовища, а судорожные спазмы его агонии.

Цзян Ту стоял не шелохнувшись.

Призрачные конечности тянулись к нему со всех сторон, однако застывали в паре цуней, бессильные преодолеть невидимый барьер.

Они застыли в шаге от своей цели. Как бы отчаянно они ни извивались, продвинуться дальше им не позволяла чужая воля.

Вырвавшаяся из тела мужчины духовная сила сорвала заколку, заставив длинные волосы рассыпаться по плечам. На глазах они начали покрываться изморозью, стремительно белея, словно заснеженные ветви цветущей сливы.

Но то был не мягкий лунный свет, а беспощадный, слепящий холод ледяной стужи. Черты лица Цзян Ту сделались еще более резкими и хищными.

Древний призрачный зверь и впрямь оказался куда более грозным противником, чем виделось поначалу.

Однако перед лицом абсолютной мощи у любого соперника оставался лишь один удел.

Смерть.

Ощувив волну удушающей жажды убийства, исходившую от заклинателя, Будда Тысячи Лепестков Лотоса затрепетал. Оставшиеся лапы судорожно дернулись, силясь уползти обратно под землю.

В момент, когда следовало добить врага, Цзян Ту внезапно помедлил, слегка опустив острие меча.

Не оборачиваясь, он кожей ощущал неотрывный, преданный взгляд, следовавший за каждым его шагом с самого начала схватки.

Кто еще это мог быть, кроме Е Хуая?

Еще недавно этот малец взирал на него с беспросветным отчаянием, а теперь его глаза светились такой детской преданностью, что оставалось лишь диву даваться. Как мало ему нужно для счастья.

Цзян Ту не терпел излишнего внимания к своей персоне, но сейчас, к собственному удивлению, не ощутил привычного раздражения.

Снежные пряди волос переплелись с белизной костяного меча в его ладони, рождая чистый образ грядущей гибели.

Не оборачиваясь к мальчику, Цзян Ту произнес спокойным, ровным голосом:

— Е Хуай, смотри внимательно.

<http://bllate.org/book/19047/1934133>